

К выходу в «Библиотеке журнала „Вопросы образования“» книги Цзинь Ли «Культурные основы обучения: Восток и Запад»

От редакции

В сентябре 2015 г. выходит в свет очередное издание в серии «Библиотека журнала „Вопросы образования“». Это русский перевод книги профессора Университета Брауна в США, китайки по происхождению, Цзинь Ли «Культурные основы обучения: Восток и Запад»¹. Монография стала результатом продолжавшегося десять лет исследования различий западного и восточноазиатского подходов к обучению.

Предваряя появление этого труда, мы предлагаем вниманию читателей журнала предисловие к русскому изданию, которое написал научный редактор перевода и член редакционного совета журнала профессор С. Р. Филонович, а также вступительное слово автора к русскому изданию книги.

¹ Jin Li. Cultural Foundations of Learning: East and West. Cambridge: Cambridge University, 2012.

Предисловие научного редактора перевода

С. Р. Филонович

Грандиозные изменения в системе образования, происходящие в наши дни во всех развитых странах мира, заставляют задуматься не только о следствиях этих изменений, но и о самих корнях образования. Однако чаще всего экскурсии в историю педагогики не вызывают у широкой читательской аудитории, даже заинтересованной в проблемах образования, значительного интереса. При всей значимости идей Коменского или Песталоцци учитель-практик или преподаватель университета вряд ли готов потратить значительное время на их изучение: сейчас школе и высшему образованию приходится решать принципиально иные проблемы. У автора этих строк есть серьезное опасение, что потенциальный читатель книги Цзинь Ли, пролистнув первые страницы, сочтет, что эта книга — о прошлом. Это совершенно не так! Книгу «Культурные основы обучения: Восток и Запад» стоит прочитать всем, кто так или иначе связан с образованием: от родителей до учителей средних школ и преподавателей вузов. Постараюсь объяснить, почему эта книга столь примечательна.

Мысль о том, что образование тесно связано с культурой, вряд ли можно считать особо оригинальной. Многие, вероятно, скажут, что образование — это часть культуры. Но за этими общими тезисами скрываются детали, которые, как блестяще демонстрирует Ли, позволяют по-новому взглянуть на привычные вопросы.

Начнем с центрального утверждения автора о том, что существенное различие между западной и восточной системами образования состоит в том, что первая ориентирована на познание внешнего мира с опорой на разум, а вторая — на познание человеком самого себя с опорой на добродетель. Это дуальное различие приводит в конечном счете к расхождению как в содержании обучения, так и в доминирующих методах и обучения, и научения.

Еще в середине XX в. эти различия были интересны разве что исследователям, занимавшимся сравнительным анализом образовательных систем. Ускорение глобализации привело к необходимости кросс-культурного анализа образования, который выявляет эффекты, возникающие при взаимодействии представителей разных культур. Рост мобильности как школьников, так и студентов привел к тому, что, например, в США в одной

аудитории сейчас могут учиться представители более десятка разных культур. Эффективная организация учебного процесса в этих условиях возможна лишь при учете культурных особенностей учащихся. Специалисты в области культуры обычно подчеркивают, что при решении кросс-культурных проблем следует избегать оценочных суждений, т. е. не характеризовать положительно одни проявления культуры и отрицательно — другие. Однако применительно к образовательному процессу это правило часто нарушается. В частности, как неоднократно подчеркивает Ли в своей книге, американские эксперты в области образования постоянно характеризуют китайскую систему как устаревшую, избыточно консервативную, препятствующую развитию самостоятельного и критического мышления и т. п. Это приводит к дискриминации учащихся из стран Юго-Восточной Азии, обучающихся в школах США, что само по себе неприемлемо. Но это создает и серьезные угрозы в отношении конкуренции цивилизаций: взгляд «сверху» представителей западной образовательной культуры на традиции восточной культуры в долгосрочной перспективе может ослабить позиции западной цивилизации в конкуренции с восточной. Именно в этом контексте следует рассматривать материал книги Ли. Конкретизируем это утверждение на примере одной из проблем, обсуждаемых автором.

Во многих школах западного мира наблюдается «эффект умников», состоящий в том, что школьники, прикладывающие значительные усилия для успешного освоения образовательной программы, становятся изгоями в среде сверстников. Этот эффект возникает вследствие того, что западная система образования построена на конкуренции, в которой, как оказывается, не все могут быть успешными. Эта недостижимость успеха (или убеждение, что его достижение сопряжено с затратой избыточных усилий) и приводит к агрессии, направленной на тех, кто готов включиться в конкуренцию. В китайской системе образования, построенной на сотрудничестве между учащимися, «эффект умников» не может возникнуть в принципе. Скромность, являющаяся одной из важнейших конфуцианских добродетелей, требует от успешного учащегося не только избегать демонстрации превосходства над сверстниками, но и помогать тем, кто испытывает затруднения в учебе. Так вследствие влияния конфуцианской традиции китайские школьники становятся более *конкурентоспособными* (т. е. дословно — способными конкурировать), хотя, возможно, и менее *конкурентными* (т. е. желающими конкурировать всегда и везде и использовать для конкуренции любые средства), чем их американские сверстники. Вопрос о долгосрочных последствиях указанных различий остается открытым.

Непонимание культурных различий, лежащих в основе образования, приводит западных специалистов к необходимости заново изобретать концепции и открывать явления, которые им-

манентно присущи восточным культурам. Возьмем для примера чрезвычайно популярную в наши дни концепцию эмоционального интеллекта, вокруг которой ведутся бесконечные споры о приоритете. Внимательный читатель книги Ли не может не заметить, что идея о «принятии мира на себя» (т. е. личной ответственности за свой Путь) и представление о том, что достойный человек «посвящает свое сердце и ум пути самовоспитания длиною в жизнь», представляют собой описание концепции «эмоционального интеллекта» с помощью несколько непривычной лексики. Фактически носитель конфуцианской культуры не нуждается в отдельной концепции эмоционального интеллекта, она уже «встроена» в его личность. Представляется, что здесь мы имеем дело с феноменом, напоминающим изобретение американцами метода *team building* на основе изучения японской практики менеджмента: японцев нет необходимости учить работе в команде, поскольку японец с детства усваивает как ценность необходимость быть эффективным членом социальной группы, в которую включен.

Чтение книги Ли заставляет вспомнить относительно недавние события в жизни образовательного сообщества США. Речь идет об учреждении и вручении первой премии «Минерва» за выдающийся вклад в развитие образования (2014 г.). Премия была присуждена профессору физики Гарвардского университета Эрику Мазуру за разработку метода, получившего название *peer instruction*, что можно перевести как «взаимное обучение сверстников». Мазур обнаружил, что сверстники гораздо быстрее объясняют друг другу трудные вопросы физики, чем это делают профессора. Причина, как он считает, состоит в том, что при общении сверстников отсутствует эффект «проклятия знания». Иными словами, преподаватель, давно сформировавший собственную систему знания, не помнит, с какими ментальными и эмоциональными трудностями сталкивается человек, впервые знакомящийся, например, с третьим законом Ньютона. Поэтому помочь ученику преодолеть эти трудности учитель часто оказывается не в состоянии. А вот сверстник, сам недавно что-то понявший, делает это с неожиданной легкостью. Конечно, люди, знакомые с историей педагогики, не могут не вспомнить о Белл-Ланкастерской системе взаимного обучения, родившейся в Великобритании еще в XVIII в. Но речь не о том, в чем состоит отличие этой системы от метода *peer instruction*. Дело в том, что китайские школьники приучены выполнять домашнее задание вместе, разъяснять друг другу трудные моменты. Оказывается, в китайской образовательной системе давно осознана значимость совместной учебной деятельности для повышения эффективности усвоения знаний. Западному миру опять приходится «переоткрывать» образовательные практики, характерные для восточной традиции.

Подобные примеры можно было бы умножить. Приведем лишь еще один. В своем анализе бесед матерей и детей, принадлежащих разным культурам, Ли обнаруживает, что матери — носители разных культур — делают разные акценты в похвале, стремясь мотивировать детей к дальнейшим успехам в учебе. Полученные Ли результаты непосредственно перекликаются с выводами известной работы Мюллер и Двек 1998 г.² относительно различия в эффектах, возникающих в мотивации детей вследствие похвалы интеллекта и упорства в достижении цели. Многовековая практика воспитания на основе конфуцианских ценностей показала, что с точки зрения итогового результата акцент на упорстве и настойчивости в достижении цели дает много больше, чем похвала интеллекту, часто приводящая к завышенной самооценке.

Книга Ли заставляет задуматься и над весьма общим вопросом о том, что такое «хорошее» образование. Слово «хорошее» поставлено в кавычки не случайно. Ли с некоторым недоумением констатирует следующий факт. Китайские школьники и школьницы, принадлежащие к другим восточноазиатским культурам, в международных сопоставительных образовательных исследованиях неизменно оказываются среди лидеров, в то время как американские школьники выдающихся успехов не демонстрируют. При этом китайская система образования характеризуется представителями американского образовательного сообщества как устаревшая, не соответствующая потребностям сегодняшнего дня. По каким же критериям следует оценивать систему образования? На основе сравнения образовательных достижений учащихся или руководствуясь абстрактными декларациями о том, «что такое хорошо, а что такое плохо»?

Неоднозначность таких деклараций замечательно иллюстрируется автором на примере ценности ораторского мастерства. В западной культуре ораторское искусство со времен Древней Греции считается одним из важнейших навыков успешного человека. Этому искусству учили и учат, людьми, им владеющими, восхищаются. Поэтому носителю западной культуры трудно понять, что может существовать и другое отношение к устной речи, что она, с точки зрения носителя другой культуры, вызывает подозрение, поскольку за красивыми словами зачастую прячутся неприглядные дела. А в конфуцианской культуре критерием оценки человека являются его поступки, а не слова. Поэтому в истории этой культуры нет великих ораторов, поэтому детей в школах не учат ораторскому мастерству, а китайские школьники не блистают своими устными выступлениями. Можно ли

² Mueller C. M., Dweck C. S. (1998) Praise for Intelligence Can Undermine Children's Motivation and Performance // Journal of Personality and Social Psychology. Vol. 75. No 1. P. 33–52.

на этом основании говорить, что американская система образования превосходит китайскую?

Впрочем, достаточно примеров. Я очень рекомендую книгу Цзинь Ли всем, кто ориентирован на серьезное чтение, критически воспринимает происходящее в современном образовании и хочет выйти за пределы ограничений, которые накладывает на нас национальная культура.

Вступительное слово к русскому изданию³

Цзинь Ли

Во время своего путешествия с Востока на Запад я часто задумывалась о написании книги на китайском, немецком или английском языках, но я и представить себе не могла, что однажды мою книгу переведут на русский язык. Я очень рада.

Уже в детстве я кое-что знала о России, в основном о героизме и жертве ее народа во время Второй мировой войны. Мы, китайские дети, также восхищались изысканным русским балетом, гимнастикой и фигурным катанием — тем, что китайцы могли только оценить, но не повторить. Русские композиторы и писатели были для китайских учащихся великими, глубокими, но сложными для понимания авторами. Я всегда удивлялась, откуда в России столько художественных талантов. Я считала, что ей просто повезло.

После моего переезда в Соединенные Штаты в 1980-х годах мое почтительное отношение к русскому искусству осталось неизменным благодаря тому, что я теперь могла смотреть телевизионные передачи и не пропускала ни одного важного события. Однако основные впечатления о России, полученные мною в Соединенных Штатах, были отягощены политическими дискуссиями, которые зачастую, казалось, затмевали великое искусство. Контраст между тем, как представляли Россию в Китае моего детства, и ее образом, который я наблюдала в США на протяжении более 30 лет, прожитых мною там, был ошеломляющим.

Нужно было произойти одному интересному и примечательному событию личного характера, чтобы я смогла увидеть те глубинные ценности русской культуры, которые не воспринимала раньше. Лет двадцать назад из Канады приехал мой брат-художник. Он собрал из запчастей несколько настольных компью-

³ Перевод с англ. А. Апполонова и Т. Котельниковой.

теров и дал на местной радиостанции объявление об их продаже: он надеялся выручить немного денег для продолжения своего художественного образования в Канаде. Ему позвонили двое русских молодых людей, которые хотели купить недорогие, но надежные компьютеры. Когда я сказала им, что мой брат — художник, эти русские сразу же прекратили торговаться и захотели посмотреть его работы. Мой брат показал им несколько своих картин. Они с большим интересом рассматривали каждую, переговаривались друг с другом и, несомненно, наслаждались искусством. Затем они сказали моему брату, указывая на картины: «Это для Вашей души!». И, указывая на компьютеры: «А это для тела. Заботьтесь не только о своем теле, Вы должны еще заботиться и о душе!». Они купили компьютеры и ушли. Мы с братом были потрясены. Под впечатлением от этой встречи мы решили для себя: «Это объясняет, почему их балет такой изысканный, а их писатели признаются истинными мастерами во всем мире!».

Позже, когда я уже преподавала в Университете Брауна, мои семинары посещала студентка русского происхождения по имени Анна. Предполагалось, что учащиеся напишут итоговую работу в виде исследовательского проекта на избранную тему в области детского развития, но по материалам культуры, отличной от их собственной. Поскольку Анна идентифицировала себя с американской культурой, она решила провести исследование о роли искусства в развитии ребенка в русской культуре. Она пришла к выводу, что русские рассматривают искусство как необходимый элемент человеческой жизни, и подчеркнула, что занятие искусством необходимо для души, а не для практических целей.

Душа для русских — это настолько серьезно, что родители Анны, русские иммигранты, прикладывали все возможные усилия, чтобы записать ее на курсы танца, живописи или игры на классических музыкальных инструментах. Будучи обычным американским подростком, который предпочитает гулять с друзьями, а не заниматься танцами или музыкой, Анна конфликтовала с родителями. Однако, несмотря на все конфликты и споры, родители не отступали. К тому времени, когда Анна писала семестровую работу на моем курсе, она уже понимала своих родителей и соглашалась с тем, что занятия искусством сформировали из нее полноценную личность. Она была горда собой и благодарна родителям. В работе, которую она написала, Анна настоятельно призывала специалистов исследовать роль искусства в развитии ребенка в русской культуре, поскольку на английском языке мало научных публикаций, посвященных этой важной проблематике.

Несколько позже я познакомилась с двумя британскими учеными, Джулианом Эллиоттом и Нейлом Хафтоном из Университета Сандерленда, и стала их соавтором в исследовательском проекте, посвященном культуре и смыслообразованию у школь-

ников. Составной частью проекта было исследование учащихся старших классов в России. Меня очень вдохновляла возможность изучить российских школьников. Эллиотт и Хафтон проводили сравнительное исследование мотивации достижений у британских и российских учащихся. Они много раз посещали Россию, наблюдали учащихся и учителей и интервьюировали их. Результаты их исследований подтвердили ту разрозненную информацию, которую удалось получить мне. Наше сотрудничество вылилось в значительное число журнальных публикаций, посвященных ориентации современных российских учащихся на очень высокие академические стандарты и их стремлению к тому, чтобы соответствовать этим стандартам. В это же время другой широко известный британский этнограф, Робин Александер, опубликовал свое сравнительное исследование начального школьного образования в пяти странах. В этом объемном труде Александер в мельчайших подробностях описал, как учителя в России демонстрируют уникальный преподавательский этос, не только стимулируя интеллектуальное развитие детей, но и, что более важно, воспитывая их эстетическое чувство. В своей удостоенной наград книге Александер так явственно восхищается этим душевным стилем обучения и так детально описывает его, что едва ли найдется читатель, не ощутивший силу его воздействия. И исследовательские статьи Эллиота и Хафтона, и глава о преподавании в российских школах из книги Александера вошли в список обязательной литературы по моему курсу.

При подготовке своей книги я занималась — мне помогло то, что я одинаково долгое время прожила в Китае и в США, — исследованием того, как основополагающие воззрения двух крупных культурных систем, Запада и Востока, влияют на образовательные установки детей. Изучая этот вопрос, я просмотрела философские труды, посвященные стремлению людей к лучшей жизни — от греческой Античности и эпохи Лао-цзы и Конфуция в Китае до настоящего времени. Я ознакомилась с эмпирическими исследованиями последних десятилетий и утверждаю, что существует важное теоретическое различие в подходе к образованию — между западной ориентацией на разум и восточной ориентацией на добродетель. Эти ориентации сказываются в том, как дети формируют свои культурно обусловленные учебные установки, как родители социализируют детей, как дети реагируют на успехи и трудности в учебе, как они воспринимают друг друга в качестве одноклассников и сверстников, как они выражают себя в учебном процессе и как демонстрируют свои достижения. То есть область проявления этих ориентаций — фактически вся сфера образования в обеих культурных системах. В процессе своих исследований я подтвердила некоторые из существующих на данный момент концепций, но, кроме этого, мне удалось сформулировать и новые подходы. Иногда я испытывала радость,

а иногда колебания и затруднения. Но оно того стоило. Если бы время обратилось вспять, я, несомненно, снова пустилась бы в это интеллектуальное путешествие.

Я надеюсь, что публикация этой книги на русском языке вызовет интерес не только к западной и восточной, но и к другим культурам, прежде всего к самой русской культуре. Если убрать «западную» часть книги и поместить туда Россию, что бы изменилось? Как могло бы выглядеть сравнение России и Восточной Азии? Или если убрать «восточную» часть и поместить Россию на ее место — что было бы тогда? Будет ли сравнение между Россией и Западом таким же, как сравнение между Россией и Восточной Азией? И если нет, то в чем будет разница?

Для меня и для множества людей в мире Россия — уникальная культура, которая заслуживает гораздо большего признания и осмысления, чем существующие сейчас. До сих пор, по крайней мере в англоязычной литературе, сохраняется дефицит информативных исследований, посвященных русским интеллектуальным, учебным и образовательным традициям. Возвращаясь к теме «искусство для души», я хочу сказать, что мне крайне интересно, что это такое, почему оно так важно, как именно устраивают занятия для детей в этой сфере, как эти занятия сочетаются с формальным и неформальным образованием, какую роль в этом процессе играют родители, учителя и местные сообщества, как определяются выдающиеся успехи и как их достигают. Что происходит, когда конкретный ребенок достигает своей цели или, напротив, добивается весьма скромных результатов, терпит неудачу или даже устраивает открытый бунт? Список этих вопросов можно продолжить. И другие, не менее важные аспекты процесса обучения, такие как когнитивное развитие и академические достижения, также заслуживают куда большего внимания исследователей. Мне было бы очень приятно, если бы моя книга пробудила как у российской общественности, так и у российских ученых желание найти ответы как на эти, так и на другие вопросы и, возможно, выдвинуть новые.

*Норт-Этлборо, Массачусетс
15 июня 2015 г.*